

«Общее понимание этой пьесы и взгляд на то, каким должно быть ее современное прочтение, сложились у меня достаточно прочно для того, чтобы я мог их изменить, однако, ненавидя копии в искусстве, в том числе и копии самого себя, я полагал, что новые исполнители и новая аудитория заставят меня найти новый вариант ее сценического выражения», — так на страницах нашей газеты ответили вы, Николай Павлович, на вопрос: не будет ли французский вариант повторением вашей же недавней постановки этой пьесы в Ленинградском театре комедии. Осу-ществилось это ваше намерение?

— Да, безусловно. Желая более широко показать малоизвестный современному французскому зрителю русский помещичий быт середины прошлого столетия, я дополнительно ввел несколько действующих лиц вспомогательного характера, увеличил количество слуг в доме Муромского. Для этой цели были приглашены так называемые фигуранты. Это не члены труппы, а актеры, которых подбирают по типажам. Основную концепцию, основное понимание пьесы я, разумеется, не менял, но, изменив выгородку декораций, по-новому решил мизансцены, а для другого состава актеров и костюмы, естественно сделал несколько по-иному.

— Известная русская поговорка не рекомендует ходить в чужой монастырь со своим уставом. Как поспринали актеры «Комеди Франсез» ваши методы работы?

— Я ожидал большей разницы между нашими актерами и актерами французскими, чем это оказалось на деле. То же могу сказать о рабочих частях постановочной части, квалифицированных, серьезных, напоминающих лучших старых работников постановочных частей наших академических театров.

Любопытно, что французские актеры особенно ревностно относятся к договариванию своей реплики. «Наступание» на реплику — скандал! Виношный тут же извиняется. У них принято точно фиксировать места, так сказать, вдоль рампы, обозначаемые номерами, слева направо. На репетициях актеры терпеливо ожидали, чтобы я точно указал все их места, и свободная двигательная импровизация, в плане которой я всегда работаю, наступила только после того, когда номера были определены.

Важно отметить, что голосовые и дикционные средства актеров безукоризненно отработаны и выверены: ни неслышного шепота, ни чревоуверения они не издавали. Никаких забот по этой линии у меня не было.

— Как зрители приняли постановку?

— Я смотрел репетицию с публикой, которую там называют «ле кутюрьер» — репетиция для портних (а у нас — «папы и мамы»); смотрел также три спектакля, из которых второй, состоявшийся уже после премьеры и на который билеты продавались, считался генеральной репетицией для приглашенных — «ля женераля». Все спектакли публика принимала очень хорошо. Я сделал специальный занавес, изображавший Москву прошлого века зимой немного с птичьего полета. Занавес, другие декорации и даже отдельные костюмы воспринимались аплодисментами. Аплодировали и после окончания спектакля, и после каждого акта. Но занавес для выхода на аплодисменты в «Комеди Франсез» (как и в некоторых московских театрах) открывают только после конца спектакля (я с этим не

согласен!), и выходят только актеры: композиторы, художники, режиссеры не выходят.

— Почему?

— Так принято...

— Ваше общее впечатление о работе в «Комеди Франсез»?

— Я чувствовал себя там как дома. Для меня эта работа со многих точек зрения была очень интересной: интересно было проверить свои профессиональные навыки применительно к совершенно новому контингенту актеров и технических работников. Взаимное понимание, которое было достигнуто, меня вполне удовлетворяет.

— Раствались вы в самых лучших

билеты достать стало невозможно. Это омерзительное и страшное произведение.

— В чем его сущность?

— Действие происходит во время войны в Алжире. Насколько я мог понять, пробираясь сквозь дебри сложной формы драматургии, в пьесе доказывается, что представители обеих воюющих сторон — это скоты и негодяи. Все это обильно снабжено порнографией и площадной бранью в столь широком диапазоне, что превосходило мое знание французского языка.

— А переводные пьесы там в ходу?

— В Париже в большой моде

труппы театра «Шапито» — «Месье русской сиротки», автором которой является известный французский художник Анри Руссо. Есть много общего между живописной манерой Руссо, наивной, чистой и несколько примитивной, и его литературной манерой. Его мелодрама молодая труппа сыграла с большим юмором, немножко обильная смешные сегодня особенности этого жанра. Главную женскую роль играла двадцатилетняя Элизабет Бьерер, прелестная актриса, известная во Франции по своей работе в телевидении.

— Были вы на представлениях эстрадного жанра?

— Только в одном заведении Монмартра, где исполняют старинные французские песни конца прошлого — начала нынешнего века, то есть песни и романсы доджазового периода. Исполняют их главным образом молодые певцы-актеры, и не только вокально, но и, так сказать, игрово, актерски. И сами песни, и их исполнение производят очень хорошее впечатление своей чистой, светлой и радостной основой.

— Французы понимали толк в сценических феериях. Развита сейчас во Франции театральная машинерия или забыта?

— На этот вопрос мне трудно ответить. Репетировали мы по семь-восемь часов, и я не видел и десятой доли того, что мне хотелось посмотреть. В тех драматических театрах, которые я посетил, техника и система оформления бедны и примитивны, что объясняется отчасти экономическими условиями. Кроме нескольких театров, все остальные — это не театры в нашем понимании, а спектакли в арендованных на время помещениях с набранными для данного спектакля актерами. На оформлении в этих условиях тратят ровно столько, сколько необходимо, чтобы дать хотя бы приблизительное обозначение места действия. Мне рассказывали, что Эжен Ионеско написал одну свою одноактную пьесу в результате переговоров с антрепренером, который ему заявил, что много актеров пригласить он не может, что средств на оформление у него нет, но тем не менее он очень хочет поставить его пьесу. — Что же у вас есть? — спросил Ионеско. — Стулья есть... — распел руками антрепренер. Тогда Ионеско написал пьесу «Стулья», в которой действуют два актера и... сорок стульев.

— Последний, традиционный вопрос: планы вашей ближайшей работы?

— Наш театр готовит сейчас две постановки — инсценировку повести С. Ангонова «Разорванный рубль» и драму А. Тверского «Генеральный конструктор». На днях я получу пьесу Д. Угрюмова, которую я знаю на 80 процентов — по моему, она удается и весьма возможно (тут я оговариваюсь, потому что 20 процентов я еще не читал), что это будет моей ближайшей постановкой.

— А в более отдаленной перспективе?

— После «Дела» и «Свадьбы Кречинского» мне хочется, наконец, разгрызть самый твердый «орех» — «Смерть Тарелкина». Это задача, за которую сейчас мне заглядывать не хочется...

— Спасибо, Николай Павлович!

— Хочу еще добавить, что, высоко оценивая игру актеров «Комеди Франсез», я считаю необходимым особо выделить Жана Поля Русильона, который, на мой взгляд, великолепно сыграл Расплююта.

Культурные связи России и Франции имеют давние традиции. Плодотворно развиваются они и в настоящее время.

Народный артист Советского Союза Н. Акимов возвратился из Парижа, где на сцене «Комеди Франсез» он ставил и оформлял «Свадьбу Кречинского» А. Сухово-Кобылина.

Наш корреспондент обратился к Николаю Павловичу Акимову с просьбой поделиться впечатлениями об этой работе.

НА СЦЕНЕ «КОМЕДИ ФРАНСЕЗ»

отношениях. Морис Эсканд — руководитель театра — высказал надежду, что мы в недалеком будущем еще встретимся для совместной работы.

— Вы назвали Эсканда руководителем театра. Как у французской расшифровывается это понятие — «руководитель театра»?

— Оно полностью соответствует нашему понятию «художественный руководитель».

— Он же и директор?

— Да, конечно. Он именуется генеральным администратором. Наши театральные администраторы стесняются порой неисполнения своей должности, а во французском театре это главный чин — администратор генераль.

— А кто Эсканд по профессии?

— Актер. Ему 75 лет. Он председатель союза участников первой мировой войны — работников искусств. Недавно в пользу этого союза был организован большой вечер, на который Эсканд прибыл на старинном такси, в том самом мобилизованном для переброски подкреплений такси, в котором пятьдесят лет назад ехал он, еще совсем молодым, на фронт.

— Что видели вы в других театрах Парижа?

— Я видел две русские пьесы — «На дне» Горького и «Три сестры» Чехова. Горьковский пьеса решена в традиционных формах. Игруют хорошо, но мне кажется, что сегодня ставить эту пьесу надо иначе, чем пятьдесят лет назад. «Три сестры» поставлены Андре Барсаком по-новому, очень свежо. Сестры играли сестры Поляковы, одна из которых — хорошо известная у нас по французским фильмам Марина Влади. Интересный спектакль! Кроме ужасного оформления, сделанного известным французским художником, который, видимо, не заинтересовался, что такое Россия. Дом сестер, например, выполнен у него в... готическом стиле.

— А новые французские пьесы удалось вам посмотреть?

— Очень сильное отрицательное впечатление произвела на меня нахмуренная скандалами пьеса Жана Жене «Ле параван» — «Ширмы». На ее премьере даже возникла драка, после чего

молодая английская драматургия того же порядка. Я видел пьесу Гарольда Пинтера «Возвращение» с великолепным актерским составом, с Пьером Брассером, играющим одну из главных ролей. Пьеса необъяснимо гнусная. Написана она в реалистической манере, но те гадости и гнусности, которые в ней показаны, даже логически элементарно не мотивированы. Часть французской молодежи очень увлекается подобной драматургией. В спорах с молодыми собеседниками я пытался понять их, просил, чтобы они объяснили, как эту драматургию надо понимать. Они хором мне отвечали, что у меня старый подход к делу, что никакого сюжетного единства содержания здесь искать не надо и нельзя, что это лишь некоторые «картины жизни» и некоторое «представление автора о жизни в разных ракурсах».

— Что происходило на сцене в этой пьесе?

— Это история семьи мясника, у которого один сын — профессиональный сутенер, другой — боксер. К мяснику приезжает из Америки третий сын, выбившийся из этой семьи и ставший доктором философии. Он приезжает со своей женой, оставив в Америке троих детей, чтобы повидать семью. К концу спектакля его молодая жена получает от всей английской семьи предложение вступить в любовную связь с отцом и обоими братьями и, мало того, ей предлагают в пользу семьи заняться проституцией. Как ни странно, она на это соглашается, а доктор философии молча уходит.

В другой пьесе, которую я не успел посмотреть, также молодого английского драматурга и которая называется «Вы живете, как свиньи», название пьесы, по свидетельству очевидцев, вполне соответствует ее содержанию. В ней показаны бедняки из трущоб, переселенные в новые дома, куда переносят они всю свою грязь, и физическую, и моральную. Кончается тем же: соседи убеждают молодую жену из переехавшей сюда семьи заняться проституцией.

— Были все же и положительные впечатления?

— Одно из самых положительных впечатлений произвел на меня спектакль молодежной